В МИХАЙЛОВСКОЕ... К КОМУ?

Неюбилейные заметки о Пушкинском празднике

В ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТЫЙ раз пришел на псковскую землю Всесоюзный пушкинский праздник поэзии...

Я пишу эти слова в тот момент, когда над поляной в Михайловском громкоговорители разносят голос поэта Владимира Кострова: «Все на этой поляне напоминает нам о нем. Мы ступаем по земле, по которой ходил Пушкин. Мы идем мимо деревьев, которые видели и помнят его. Под этим небом он влюблялся и творил...».

Много раз за годы работы в «Известиях» довелось мне передавать в редакцию отчеты о Пушкинском празднике, который по давней традиции проводится в Михайловском в первое воскресенье июня. Но сейчас не ждите от меня ни отчета, ни репортажа. Хочу просто передать свои ощущения от увиденного и пережитого в святых местах русской поэзии.

...Я боялся.

Я боялся ехать сюда, в Михайловское. Уже несколько лет осознанно не был здесь, удрученный тем, что открылось мне в последний приезд. Будто и впрямь впервые увидел тогда то, что долгие годы раздражало, но скользило мимо сознания, — откровенно показуху, нечто вроде всенародно организованной любви к великому человеку.

Если мы кого-то ненавидим, то до остервенения. Если любим — до упомешательства.

Врезалось в память горькое письмо ленинградского десятиклассника «Гений в сахаре», опубликованное в газете «Смена» накануне нынешнего празднования дня рождения поэта. Умный мальчик Даниил Мишин писал: «Спустя 100 лет после смерти (вспомните юбилейную кампанию 1937 года) Пушкин оказался... полезен в качестве «жертвы царского самодержавия». Теперь можно было спокойно присваивать ему звание пламенного борца против царизма и провозглашать великим вождем мирового поэтического движения. Как ни ужасно это звучит, Пушкин стал сильным средством идеологической и классовый борьбы, государственным поэтом № 1... Имя Пушкина проникло во все сферы нашей и без того «культивируемой» жизни. «Кашу, что ли, Пушкин доедать будет?» — вопрошали раздосадованные нянечки в детских садах, и дети вмиг улетали холодные остатки, принимая неизвестного Пушкина за страшного бяку... На протяжении последующего десятилетия с кисельных берегов школь-

ной программы весело палили пушки, в молочных водах плескалась золотая рыбка, мальчишки кидали камни вслед Евгению, ученый кот со слезами на глазах перечитывал письмо Татьяны Лариной, а 33 богатыря дружно выходили из ясных волн, в едином порыве скандируя: «Тройка! Семерка! Туз! Тройка! Семерка! Дама!»... Пушкинизация страны стала доходить буквально до курьезов. Гушкин написал однажды Петру Андреевичу Вяземскому, что сам он — сахарный, а зад у него яблочный... Все обернулось тем, что именем Пушкина называли шоколад. Поведал Пушкин миру о вышеупомянутых пушках, и имя поэта получила раквартированная под Свердловском танковая дивизия».

Пушкинский заповедник тоже не оказался в стороне от веяний времени. Еще при повороте с автодороги Ленинград — Одесса на шоссе, ведущее в Пушкинские Горы, путников всегда встречал огромный транспарант, на котором скорбно-молитвенные пушкинские строки превратились в ликующий призыв: «Здравствуй, племя младое, незнакомое!». А дальше вплоть до могилы поэта вас навязчиво сопровождали расставленные вдоль дороги аляповатые панно на сюжеты сказок Пушкина.

Что ни год, вырастали в заповеднике новые постройки, причем нередко там, где их в прошлом и в помине не было. Не было при Пушкине в низине на берегу Сороти, куда не залетает ветер, ветряной мельницы. Не было у деревни Бугрово водяной мельницы, после сооружения которой зеленый луг превратился в болото. Не было здесь, естественно, и дома мельника. На этом месте стояла изба, в которой из поколения в поколение жили крестьяне Семеновы. Не было роскошных цветников в усадьбе Михайловского и аккуратных, опоясанных веревочками дорожек... Не было всей той бутафории, что за последние тридцать лет превратила заповедные места в «пушкинленд».

Кого винить в этом? Семена Степановича Гейченко, в течение четырех с лишним десятилетий бессменного директора музея-заповедника? Нет, не поднимется рука бросить в него камень. Он был человек того времени и прекрасно изучил психологию советского чиновника. Однажды — еще в послевоенные годы — Семен Степанович в минуту откровенности очень четко сформулировал свое кредо. Как-то

один из сотрудников, огоршенный начавшейся «реконструкцией», сказал ему: «Семен Степанович, мы делаем Михайловский парк таким ухоженным... дорожки выравниваем... Ведь при Пушкине совсем не так все это было. «Огромный запущенный сад» — вот что он писал об усадьбе». «Милый мой, — ответил Гейченко, — правильно вы говорите. Но приедут к нам проверяющие, всякие там комиссии, увидят запущенные дорожки... Мы же никогда не докажем им, что при Пушкине так и было. А сейчас они видят, что все разбито по веревочке, вылизано и ухожено, и страшно довольны: значит, в заповеднике работают не покладая рук».

Он, Гейченко, уже тогда понимал все. Он понимал, что быть заповеднику в запустении многие годы, что не выжить ему, директору, ни новых ставок для сотрудников, ни денег, ни материалов для того, чтобы восстановить порушенное войной, если не потрафит он вкусу ответственных товарищей. И не будем сейчас осуждать его за это.

Мы с гордостью писали о том, что Михайловское, Тригорское, Петровское стали местом паломничества сотен тысяч любителей поэзии. Но не гордость, а горечь переполняла меня, когда в день рождения поэта я видел осатаневшие многотысячные толпы туристов, штурмующих на поляне торговые павильоны под рев динамиков, исторгавших из себя стихи и романы Пушкина. И каждый раз потрясала меня уникальная казенность самого ритуала праздника, будто припечатанного гербовой печатью на глянцево́й бумаге.

...Сегодня здесь кое-что стало по-иному. Исчезли помпезность и фальшь «всенародного торжества». Сюда, в Михайловское, пришли на этот раз не за водкой и ширпотребом, а в гости к поэту, чтобы поздравить его с днем рождения.

И можно было посидеть в тишине на макушке моей любимой Савкиной горки, в уединении побродить по аллеям Тригорского, услышать над Соротью не пьяный гвалт развеселых компаний, а птичьи песни.

И вновь согрела душу красота этих заповедных мест, где

В гармонии соперник мой
Был шум лесов, иль вихорь
буйный,
Иль иволги напев живой...

В. НЕВЕЛЬСКИЙ,
соб. корр. «Известий».
МИХАЙЛОВСКОЕ.